

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarus Documentation Project

Я почему щас о нем заговорил, дело в том, что мы сразу двинулись в пушу и задумались, что у нас было. Что Гриша **Щурбенчик** должен вернуться в Минск, зная дорогу на старое село, это всего 20 километров от Минска. Срывается потому, что неизвестно, куда выводить. Щас эту всю группу уводят, а где она будет находиться, куда выводить. И он продолжает вместе со мной двигаться туда, в пушу. Я вот думаю: «Все срывается. Как же я не настоял, чтобы этот двоюродный брат со мной вместе пошел». Потому, что один был совершенно, родителей не было: ни дяди не было, с которым жил, ни матери. Идем. Мы шли всю ночь. А на рассвете, когда стало светать уже, мы остановились в одном с лесов: днем двигаться опасно, нам все же надо было пересечь границу 39-ого года, мы двигались в направлении южнее **Винца**. Остановились. Ну, как водиться, никуда не показываться, чтобы себя не выдать (это инструктируют нас эти два партизана). Ну, кое-кто из наших успел сбегать в деревню, там узнать, что там партизаны. Вот мы пошли четверо: я, Изя, вот этот, Патент, Миша Горелин (сейчас в Израиле живет), и еще один парень, никак не вспомню его... Пришли в деревню. Ну мы по своей комплекции ребята все были рослые, Гриша был младше меня на 2 года, но он ростом на пол головы. Мне уже 18-ый год шел, почти 18 лет было, и конечно, я был той комплекции, которая нужна щас для возраста армейского, и эти ребята. (особенно крепыш был Миша Горелин). Пришли эти ребята, нас увидели партизаны, и говорит: «Зачем вам туда двигаться? Оставайтесь мы же остаемся под Минском здесь. Оставайтесь с нами». Мы и подумали: «А чего и в самом деле идти? Давайте останемся здесь. В другом отряде будем». Ну мы ж считаем, что все, нас взяли в другой отряд. Мы поменяли свои кепочки, что были, на военные фуражки. Там же кругом было все, в каждой деревне, обмундирований военных хватало: красноармейцы все бросали, которые попали в окружение, и выходили без этого. Мы одели, уже считаем, что все, да, что будем партизанами здесь. Дождаться надо было только нам командира роты, с которым они ехали. В общем, до 11-ти часов вечера мы прождали, приехал командир этот: «Я вас взять не могу. Все дело

в том, что, – он говорит, – Мы берем к себе в отрядец под Минском, только через связных, которые... без связных мы не берем. Тем более, что такие есть слухи, что немцы евреев ни чуть ли запустили агентов, чтобы вкорениться в партизанское движение». Это он нам так прямо сказал. Ну и что, он говорит: «Я вас дальше везти не могу. Это если б командир отряда, он уже принял решение... Он говорит, что ребята именно подходят, говорит... Тем более одетыми были: и галифе, и сапоги, куртка, собственно, все, что нужно было. И мы возвращаемся на эту стоянку. На этой стоянке никого нет. Все ушли. Ну мы тут присели, и, конечно, мысли самые неприятные: уйти из гетто и остаться щас здесь в поле, и неизвестно в какое направление идти. Посидели немножко, ну, конечно, пришли в себя: будем двигаться по следу. След то виден: такая толпа прошла, а были человек 80 или 90, и повозка, на которой вещи лежали. Мы пошли по следу. Дошли до деревни Великое Село. «Стой. Кто идет?». А мы же в фуражках, партизаны свои. Приходим в деревню, спрашиваем: «Колонна давно прошла?». Он говорит: «Она прошла два с половиной часа тому назад в сторону...». Пришли мы в следующую деревушку, Тилишевичи, такая деревня, она как раз в полтора километрах от границы 39-ого года. Тут уже начинает помаленька светать. Мы проголодались. Постучали в хату, нам хлеб, молоко дали. Мы двинулись дальше. Приходим в Рубежевичи. И как раз мостовая выложена камнем, дороги не видно – след мы потеряли. Стучим в крайнюю хату... мы еще так особенно... у всех такой грубоватый, жестковатый... В хату стучит: «Выходи». Вышел хозяин: «Родненкий...». Проситься начал, что мы ничего не видели, не знаем, куда пошли. Вышли – Костел, туда один понес, пустился в сторону Винца, мысли не было, чтобы в ту сторону именно гарнизон был, в Винце. Спустились – след есть. Мы снова нашли этот след, по следу пустились вперед. Прошли еще километров 15... из леса выезжает повозка, все сидят на ней в немецкой форме, в четырехуголках. Вдруг окружают нас четверых автоматами: «Кто такие?». Оказывается, это поляки, которые были в Винце в гарнизоне, и

когда партизанские соединения 5-ого мая разбили этот гарнизон, они вышли оттуда, перешли на сторону партизан и создали самостоятельное подразделение. Это были те **аковцы**, о которых сейчас идет спор: кто они такие? Они действовали конечно, как в последствии мы узнали, все по указке правительства **Миколайчика**, которое тогда находилось в Лондоне. Пошли на сторону партизан. В последствии, когда мы уже были в партизанах, в ноябре 43-его года, они снова продали партизан и вышли к немцам, именно почему? Тогда команда была из Лондона Польше: без коммунистов, без большевиков и без немцев. Поэтому они снова ушли из партизан. Впоследствии я буду рассказывать, они снова... поводом для их разоружения послужило убийство наших 10-ти партизан, нашего 106-ого отряда. Это было поводом и, после этого, вышли из разоружать. Но, кое-кто спасся и еще наносил удары.

Оказались эти аковцы... показали нам, как дальше идти. Дошли мы до **Уднеплянска**. Нашли, догнали всю нашу колонну. Что надо сказать, что там особенно: в той колонне был отец Горелик. Он эти 2 дня проплакался и пропал. Вышел из гетто. Но, а мы как решили, что если мы будем здесь, под Минском, затем узнаем в каком отряде, к отцу тогда подъедем. Так тогда думали. Мы не успели ни минуту. У нас тогда после такой длительной дороги... мы уже где-то позади оставили 60 километров за эти сутки, дальше двигаются. Мы уже чуть живые дошли. Шли в штаб партизанского... партизанский штаб немецкого райцентра. Привели эти два партизана нас туда. Приехали два лейтенанта (мы тогда до зори дошли)... приехали два лейтенанта, посмотрели. А группа у нас шла, такие малайцы были, с Западной Беларуси шли ребята, впоследствии, кое-кто из них погиб: Мельник там... еще такие, ну, мужчины именно были. Они пришли: «Давайте, организовывайте свой отряд». Ну, в принципе, эти ребята начали: «Ну что мы будем... Дайте нам любое задание, мы пойдем, сделаем! И определяйте нас в другие отряды». «Нет. Создавайте свой. Мы вам место дислокации выделим, дадим, для начала, повозку с лошастью. А дальше будете все сами себе добывать». Ну,

и конечно, очень посыпалось много вопросов: «Дайте нам командира только. Военного какого-нибудь, который мог бы взять на себя командование отряда». «У нас нет. Выбирайте со своих». Ну долго мы там дискуссировали на эту тему, а потом они говорят: «если нет. Давайте, идите к Зорину, в 106 отряд». Ну мы туда... нас эти ребята завели в 106-ой отряд. Это было 5-ого или 4-ого июня 43-его года. Таким образом я оказался в отряде. Встретил там знакомых. Ну, конечно, когда мы пришли, Зорин крепко обрадовался: пришли молодые ребята, с нашим приходом много ребят пришло. И на следующие два дня... меня уже с утра там в какой развод поставили, вызвал 4 человека: «Поезжайте под Минск». Уже послал на операцию (это уже будучи в отряде). Мы четверо поехали. Впервые я выезжаю на операцию, очень много впечатлений. Ну так все я рассказывать вам не буду, это целая отдельная история, делать это сейчас не буду. Впервые столкнулся... В общем, мы добрались под Минск. Задание у нас было: здесь одна группа собирала оружие, в Старосельских лесах, и задание было такое: помочь собрать этой группе оружие, вернуться с той группой вместе. И вот тут стал вопрос о этом Грише, он дорогу совершенно в Минск не знает. Это было 20 километров, а пришли мы в пуцу через леса, мы шли по лесным дорогам, послать, хотел, чтобы взять с собой и послать его в Минск за остальными. Он: «Дорогу я не знаю». Вот этот вопрос сразу, знаете, он долго, по сей день, он как-то мне бесконечно давит... так случилось, что в первый же день мы ушли, зашли туда в пуцу откуда... впервые, он даже не знал куда и как идти. Вот так получилось, что я не смог ничего сделать, чтобы... не знаю, насколько удачным был выход, когда мы смогли выйти с гетто, но вот это сорвалась попытка вот это сделать: послать туда, его вернуть назад.

Началась партизанская жизнь. В двух словах все же о лошади я должен рассказать, потому, что когда нас послали, он нам дал повозку. Ну, а поскоку я, когда на даче был в деревне, любил лошадей, я вместе с ними, с ребятами деревенскими, ходил на ночную у костра, и, конечно, верхом скакал. А тут лошадь, тая я

говорю: «Я буду за ездового». Пошел, а мне там такую выдали лошадь, говорю: «Что даете? Она ноги не передвигает». Дали эту лошадь, я ее, в общем.... Говорит: «Вы ее там поменяете в деревне». Мы это до **Кретища** тянули лошадь за плечо по очереди, тянули, она не могла... Привели в Кретище, и не смогли это сделать. А в Рудне мы поменяли, но не намного лучшую лошадь дали. Дали нам лошадь такую же, но, сама ноги хоть двигала. Мы не могли сесть на ней, чтобы... Дошли до **Антонова**, хотели... нету тоже, к хозяину. А потом, когда я вышел там, с хутора, смотрю, в лесу такая лошадь ходит **германная**. Не знаю, чья это была? И как хозяин ее боялся. Но старшим у нас был Фима Мидлер, старший нашей группы, сразу к хозяину: «Вон же лошадь». Тот напуган. Хотел... «берите, только назад верните». В общем, получилось, что ничего не подходит: ни амуниция лошади, ничего. Нам все свое дали. Ну, когда это мы впрягли лошадь, ночью мы поехали, так лошадь рвалась с места. Мы за несколько часов пересекли весь этот район и попали снова под Минск. И везде, когда мы на этой лошади шли, только и были разговоры: «Вон какая у них лошадь».

Ну, как водиться, если бы мы опытные были все, мы бы назад пошли через другую деревню. Конечно, мы бы не вернули эту лошадь, она бы у нас в отряде и осталась. А так, мы пошли, отдали хозяину эту лошадь, и, конечно, мы вернулись и без своей старой клячи. И о нас, из-за этой новой, нас там целая группа была, только и разговоры были: «Видишь, какие партизаны появились. Даже лошадь такая у них была, не могли ее использовать... взять». Меня, конечно, это угнетало без конца с лошастью, а тут с отряда армейского появился один парень, знать я ему понравился. Он подошел к командиру: «Давай мы пойдем на заготовки в **Кореличский** район для заготовки инструмента к зиме». Надо готовиться, строить землянки. Пилы, топоры, гвозди, железо – все надо, ничего же нету. Вот такое задание получил по хозяйственной и вместе с ним уходим. Пришли в **Королдичи** через **Неман** попали. Это уже где-то в ста километрах от расположения отряда. А он местный. Куда не придем, там все его встречают. А я

хожу с ним, меня гнетет одно: как же я соберу все это, а он гарантировал. А если б я видел, что я там и лошадь найду, и с лошадью уже вернусь и реабилитирую себя, что такой вот... Две недели мы ходили с ним. Он. Конечно, получал удовольствие от встречи, а ходил, переживал, что я задание не сделаю. В конце концов лопаты, немного топоров нашли, нашли повозку с отряда **Бейского**, на ее погрузили, они к нам завезли. Но я к чему это привел, что неопытность, впервые пошел, и как, с первого же раза, получилось так, что прославился. Ну и тем более, должен сказать, что легко в отрядах было до отступления дело, знаете, **ГОЛОВЫМ** извозчиком, им было легче всего, они привыкли к такой силе физической везде. Хуже было тем, кто жил в городах, в семьях таких, где не связано с... это было очень трудно в партизанских отрядах этих людей. Кто был из деревень, тоже, более хозяйственные люди, более практичные, у них, конечно, получалось лучше.

Отряд. Как вы уже многое знаете с печатей. Что в этом отряде, по существу, главное значение отряда было – спасти вот этих, в конечном счете 720 евреев, которые оставили Минск когда-то, или другие города. Это была главная задача, и задача была поставлена Зорину, когда он уходил. Ему дали вот группу, и забирай. В этом отряде, в основном 140 человек находилось под штыком. Это считалась боевая рота. А остальные 600 человек – это был лагерь, партизанский лагерь. Это тот же партизанский отряд, один и тот же. Но многие из-за... или непонимания своего, сделали так, что многие наши партизаны, вот которые были особенно в семейном отряде, страдают по сей день. На них не распространились льготы, их не считают... их считают как просто в семейном отряде. А если подумать, что из себя представлял этот семейный отряд, который находился в двух-трех километрах от боевой роты, которая занималась и хозяйственными и боевыми операциями? Там находились мастерские, швейные, сапожные, мельница своя была, госпиталь, в общем много врачей Минских, госпиталь многих специальностей, вплоть до того, что школу организовали для малолетних. Там работала школа. Пионерская дружина была. И

она обслуживала не только отряд. В этот госпиталь приезжали с других отрядов. Эти мастерские выполняли работу для многих других. Мельница работала для других отрядов. Одна боевая рота не могла существовать без этой помощи, это как в любом отряде. Но во всех отрядах, вот всех, кто занимался такими работами, они тоже считались партизаны, и получили все льготы и документы. У нас же получилось... я щас не знаю, кого надо винить, но случилось так, что наши, те, кто был в семейных отрядах, многие, не получили никакие льготы и мучаются по сей день.

В июле месяце, 20-ого июля, началась блокада. Это большая была операция проведена немцами, не знаю щас, насколько это подтверждается, но в то время говорили, что в этой операции участвовали три дивизии немцев. Они вышли по направлению Минск-Молодечно – Дзержинск-Минск, то есть замкнули все это кольцо, где находились партизанские отряды, то есть между двумя железными дорогами они замкнули кольцо. И началась эта блокада со стороны, мы почувствовали ее со стороны Немана. В то время наша группа, я входил в то число, был у нас такой товарищ один, он был, числился командир роты – Капилевич. Это был человек богатырского телосложения. Очень спокойный, уравновешенный, с ним очень приятно было участвовать в операциях. Не знаю, у нас с ним были взаимные симпатии, меня всегда с собой на операции брал. Мы на четырех повозках выехали в сторону Мира проводить хозяйственную операцию. Это почти далеко от партизанской зоны, она кончалась здесь на Немане, где партизанский отряд Минский держал оборону. Мы форсировали Неман. В нем переправились на тот берег, и с наступлением темноты мы двинулись в сторону Мира. Мы приехали в деревню Турец, только в деревню зашли, а такой теплый вечер, какой-то такой... на повозках, и лошади отдохнули у нас. Всего 20 человек было, 4 повозки – по 5 человек на каждой повозке, так, налегке въезжаем в эту деревню, тут выскакивают крестьяне: «Куда вы в деревню едите? Тут немецкие танкетки стоят, и расположились немцы». В Турце. Мы вернулись назад. Ночь мы провели в лесу, побоялись к Неману выходить. Не знали, отрезали немцы или нет.

Но с утра переправились через Неман, такая крыничная была переправа, намокли. Расположились. И в это время немцы подошли к Неману. Они нас обстреляли, и началось великое отступление партизанских отрядов этого района. И все двинулись в район нашего отряда, нашего района, где наш отряд, там еще Первомайский был. Что оказывается, к этому разведка, как видно, командование, соединение партизанского знало, что тут готовится, начали готовить мост, настил, там болото было. Это болото, примерно оно было выше колена немного, но сначала такой слой: ногу опускаешь – проваливаешься, пока вытянешь ногу – следующая провалиться. Решили, что по этому самому болоту проложат мост. Отряды выйдут на остров, а дальше перейдут в другую зону. Начали готовиться. К этому вечер, когда мы вернулись, сразу почти половина нашей роты ушло в засаду, пролежали там всю ночь. А в это время стали переправляться по этому мосту комсомольская бригада, как я ее запомнил. Что оказалось: у них и раненые, они когда попробовали по мосту идти, они его тут же сломали весь, потому, что они повозки... мостик такой был хилый. Это не понтонный мост оказался. Развалился мост. Тут отряды побросали все свое, и лошадей, и обоз, и сами переправились на горку. С этой стороны почти все отряды ушли, только наш один оставался. И когда к мосту (там мостик один такой был через канал) подошли немцы, двинулся наш отряд по этому болоту. И привел он, женщины и дети... в основном это 600, а к тому времени было больше... около 600 человек двинулись на остров. На острове на этом просидели всю ночь. Один человек. По-моему, у нас утонул. Сейчас я точно не могу восстановить, но с собой почти у каждого это было муки немного, это как НЗ, туда на остров. В то время это основная еда была. Мука эта, как она называлась... затирка. Хорошо, если была соль, я помню вообще-то соли не было. Это основная еда была. Мука, затирка так называемая. С этой затиркой туда мы и пришли. А утром, командир отряда вызвал меня и **Сомкина**, и сказал: «Двигайтесь по дороге, куда ушли те отряды. Посмотрите, какая там обстановка, и возвращайтесь назад. Определим: можем ли мы туда

идти». Мы с ним вышли к каналу, там же сплошные каналы, немцы нас там обстреляли на этом канале, мы поняли, что здесь уже пройти через канал невозможно, все же, надо было уточнить: что обстановка там. Мы вышли **Черному** озеру, которое я никак не могу найти на карте, но помню хорошо Черное озеро. А там тишина и благодать, все отряды находятся на своих местах, у них никакой еще... до них еще блокада не дошла. Все на местах. Мы отдохнули у них, и уже думали возвращаться назад. А к вечеру (мы думали с наступлением темноты пойти), а к вечеру двинулись все эти отряды в сторону **Волошино**. Все, без исключения. Ну здесь, как видно, надо опустить немного, это очень...

– Ничего, ничего. Рассказывайте

– Ну кончилось тем, что все эти отряды ушли. Немцы, когда окружили, пустили цепи. И самая задача главная отряда оставалась. Отряды, во-первых, все были разбиты на мелкие группы, все на мелкие группы: 5-6 человек, 10 человек. Мы пришли с одной группой, мы двоим. Первомайцы были, возле нас стояли, у них группа была 5 человек. Мы присоединились к этой группе, вместе с ними отходили на север. В одном месте мы остановились на день. Собралась довольно приличная группа чикаловцев, и думали так, что здесь мы пробудем, немцы пройдут этими цепями, мы останемся сзади, и снова будем возвращаться назад. Но оказалось не так. Местные крестьяне провели немцев по тропам, мы столкнулись с ними в лесу. В результате короткого боя... отдельные группы там были... нам пришлось... короткий бой очень был... мы ушли через болото снова на другой остров. Так продолжалось... мы шли почти до **Пакшта**, это довольно приличное расстояние. А там уже дальше кругом было окружение на дорогах – выходить мы не могли. Вот здесь у нас был последний этап. Мы остановились на одном острове. Нашелся лейтенант, какой-то собрал небольшое количество нас, и говорит: «А чего мы отходим? Может быть в этом направлении будем небольшая группа двигаться?». Но не успели мы там окапаться, как по этому острову из минометов немцы обстреляли. Пришлось снова идти в болото. На болотах этих так мы и прошли эту цепь,

опускались вниз в воду, в рот трубочку, чтобы оказаться под болотом, пока шли украинские батальоны, полиция – все участвовали в этой облаве. Это страшнейшая была облава за все годы существования партизанских отрядов в этом районе. Должен сказать, что для меня война – это в первую очередь труд, как я понимаю, потому, что в смысле: убьют тебя... я уже к этому привык в гетто. Это для меня... это уже столько лет эта мысль во мне была, что для меня этот уже по существу этот вопрос был на втором плане. На первый план для меня выходил этот труд. Война – это такой физический труд, на грани всех человеческих возможностей. Ну представляете, столько без пищи, столько двигаться, не мытые, грязные (на болотах), вши заели, я скажу, не было возможностей... заели... тело все в ранах, они уже грызли человека, когда это в такой обстановке. И когда мы вышли, затем оказались сзади цепи, мы пришли в деревню, которые близ отряда были, уде двоим с Сомкиным, там население они все вывезли во Францию, вывезли в Германию, там никого не было, ни одного дома. Вся деревня сожжена. Это самая близкая деревня от нашего отряда. Бегало несколько поросят, так, здесь мы только картошку наварили, она уже созрела, как говориться покушали, и у меня тиф начался.

Меня на повозке привезли в отряд. Три месяца я тогда болел, госпиталя тогда не было. После этой пищи, после отсутствия соли, всего. На ногах нарывы, я не мог обувь одеть. Я никуда не выезжал на операции, а это еще хуже, я когда сидел тут, прямо сказать – голодно было. На ноги я поднялся только уже к концу года, после этого, когда я смог выезжать, зимой 44-ого я уже выезжал, участвовал в операциях снова. Но здесь, должен сказать, в эту блокаду, он мастерски провел, Зорин, может хоть он и не обладал большими талантами, свои недостатки у него были, многие его ключают за это, вспоминают. Я бы считал, что все то, что он сделал, для спасения такого большого количества евреев, он заслуживает доброй славы. И все отдельные вещи. Я вместе с ним выезжал на операции, я был у него в числе поста главного, где он со штабом был. Ну скажу, не хочу хвалиться, но я человек такой, что я ни в

какие вещи... разные... ни в какие я не лез, ни в какие слухи. Ко мне вот такое было отношение, знали, что я этим не занимаюсь. Поэтому иногда были такие отклонения, но, надо сказать, еще раз повторить, что он заслуживает самой высокой похвалы за то, что он сделал.

В 44-ом году, в начале, отряд наш стоял... боевой отряд... в **Терепинах**, у нас были землянки, хорошие землянки были сделаны. Много леса мы порубили, но сделали хорошие землянки. И когда не выезжали на операции, находясь в лагере, была хорошая возможность отдохнуть. Печки две в каждой землянке стояли, было тепло, возможность такая отдыхать была между операциями.

Шла весна. В отряд к нам пришел с одного отряда другого. Там он был командир взвода, у нас его поставили командиром роты. Сразу же он организовал подрывные группы. Отряды подрывной группы вышли на железную дорогу. Сначала они удачно спустили один эшелон. Потом дальше уже создались две группы. Но приближалось лето, и наступление красной армии – Багратион. Операция, которая начиналась, она по существу положила конец и освобождение этого района. Здесь очень много можно рассказывать о ребятах, которые выезжали на операцию, очень много и погибших есть у нас в отряде. Наша группа из 10-ти человек поехала на операцию, но, как я рассказывал, что эти аковцы, которые ушли снова к немцам, они напали на нашу группу в 10 человек и расстреляли. Два человека спаслись **Черняк Лева** и **Дриф**, он сейчас в Минске проживает, это которые были расстреляны, но выбрались из ямы и вернулись в отряд. Были и выезжали на операции. Убили часового нашего. То есть потери у нас были.

Но шли последние дни июня месяца, уже слышна была канонада. Ночью, когда лежишь на земле, слышно далеко где-то громыкает артиллерия. Мы предполагали тогда, что линия фронта должна быть где-то возле Орши, но, по всей вероятности, наносили удары две танковые армии, которые двигались 3-ья белорусская и 1-ая, они двигались, они, по всей вероятности,

далеко вклинивались в оборону немцев и нам удавалось слушать эту канонаду. Радость в связи с освобождением. И в это время окружение немцев, частями которое, их котлы в Беларуси, немцы с дорог вышли в леса. Началась война – бои в лесах. Командование партизанское во всей мере принимали то, чтоб не дать уйти им из котлов, а немцы побросали свое тяжелое оружие и на легке рвутся в сторону Августовских лесов. То есть, наш отряд лежал на этом пути. Там случилось так, что в этом последнем бою, мы потеряли 7 человек, был тяжело ранен командир отряда, был ранен командир взвода, **Макс Конюх**, мой друг, у него были перебиты обе ноги. Щас мы каждый год выезжаем... каждый год... к месту этого... поставили памятник. Мы выезжаем туда. В этом году тоже, 11 июля мы выезжали на это место. С нами вместе выезжал посол Израиля в этом году, и еще много представителей других организаций. Там как всегда, идет возложение венков. В этом году вместе с этим памятником мы посетили памятники, где похоронены... перезахоронены наши эти 10 человек, в Винце. Ну и показали нам отдельную братскую могилу, где похоронены евреи местечковых... из различных местечек... во время погрома. Это сейчас возле Винца сделали.

Вернулись мы... да, ну здесь я должен сказать, что после этого боя, весь семейный отряд перешел в боевой, ведь он находился в трех километрах. Когда мы вернулись в отряд, оказалось, что нету конюха Макса, мы его... пошли на старое место, где был бой, нашли его, он из леса выползал. У него перебиты были обе ноги. Значит, у нас в повозках лежал раненый командир отряда, лежал взвода – три человека, на повозках. Там, в тех местах, когда состоялся бой ну они разбежались часть немцев и мы их там нашли, в этих местах, которые оказалось около шести, вместе с офицером они собрались, дальше ни уйти не могли. Привели их сюда, в отряд, ну, представляете разъярённая толпа, раненые. Ну мы здесь их всех прикончили. Вынуждены были их сразу завести даже не узнали, с каких подразделений кто, но и отпускать не стали, потому, что кругом, вокруг, в лесах шла кругом война с наступающими немцами.

К вечеру мы двинулись в сторону **Критища**, там опять идут бои. А тут такая армия детей и женщин. Мы двинулись в сторону Деревной. В общем, недалеко от **Борги** мы встретились с первыми частями советской армии. Мы вышли к озеру **Кромвель**, такое есть, там ихняя одна часть остановилась на отдых. Мы слились вместе с ними. Два дня отдыхали. Выступали там наши пионеры. Кругом прошла молва, уже что вышло много из Минского гетто евреев, вышло из леса. Находятся в Кромвеле. И стали приезжать из других воинских соединений, узнавать: нет ли тут своих и родственников, минчане. Нашелся один минчанин, который нас... его транспорт уходил в Минск, мы сдали все, что нужно было райсполкому Сталбовскому, приехали сюда, в Минск, в штаб партизанского движения. Остановились напротив. Два дня мы ходили по Минску. Затем мы участвовали, наш отряд, в партизанском отряде участвовал, а на следующий день стали распределять: кто захотел учиться – направляли в ремесленное училище, кто хотел по специальности работать, мог остаться, ну, а я, и еще нас 26 человек было с отряда, по каким причинам не знаю все, но я именно сразу попросился в армию. Меня все же жгло, чтоб за эти дни никого не осталось. Никого. И какое-то ущемленное достоинство, что ты, так над тобой поиздевались... Я вам рассказал про апляухи, которые я получал еще за то, что я вовремя шляпу не снял, шапку не снял, шел по улице, а ходить мы только могли по мостовой, и вот колонну вели, но если идет немец, так все мужчины в колонне, которые находятся с шапками, должны снять шапки. А я не снял. Так он ворвался в колонну и мне так врезал в ухо. Ну хорошо, этот немец хотел меня куда-то вывезти недалеко... немец там что-то поговорил, и он меня оставил. Все это на меня давило: что апляуху я получил, что никого нету, ни дома нету – ничего нету. Многие уже на почтамт ходили и получали письма, у меня их не было. Все это гнало меня вперед. Жажда мщения! Именно мщения. Я не боюсь этого слова! Мне все хотелось что-то делать – мстить. И в те годы я способен был это сделать. Щас для меня конечно, человек и смерть — это

ужас, а убийство тем более. Но тогда, мне хотелось быть быстрее в Германии, попасть туда.

– Герман Исаакович, мы с Вами еще вернемся к этой теме, а пока, чуть-чуть отступим назад и вернемся, может быть, в гетто. Есть ряд вопросов, которые хотелось бы...

– Щас следующий этап хотел

– Вы потом расскажете Ваш следующий этап, а пока

– Следующий я уже хотел Советскую армию

– Обязательно расскажете. Скажите, жизнь в гетто шла подробно, до погрома. А в этих промежутках, что было?

– Что было в эти промежутки... Основная масса работала. Каждый день в мастерские выводили же колонны на работу. Назад возвращались. У людей, живут люди, проблема – как жить? Значит надо чего-то выменивать. Люди выходят на работу, а они связаны с внешним миром, там же работают и русские во всех этих организациях. Значит договариваются, что вынести, что поменять, что продать, что, там, приобрести. И вечером, возвращаясь, опять проблемы – это надо и думать, и ждать, чего будет на следующий день. Вместе с тем – молодежь. Молодежи есть. Любви все возрасты... и конечно, если дружба, и несмотря на все это женится кое-кто, но это, конечно, считанные единицы. Но, тем не менее, жизнь! Так? Кто поел, это понятно, тот начинает думать о политике. Что будет, да как? Что будет дальше? Кто голодный – ему не до этого, они не думали. То есть вот такая жизнь шла.

– Скажите, а у Вас была девушка?

– У меня? Я бы не сказал... подруга у меня была хорошая. Она была женой товарища, но с ней я дружил очень хорошо. Я потом покажу ее, муж погиб, в отряде у нас погиб. С ней как-то переписывался, еще уже был в армии, она училась в Москве, кончала второй медицинский институт. Потом, куда она исчезла, не знаю. Но там да, были у меня очень хорошие друзья. Когда я подружился с Сашей Якубовичем, у меня появились вот такие друзья и дочери этих дочерей, Лиля Жуковская такая была, в Минске был врач Жуковский, дочь его была – в гетто она погибла. **Маля Кургина**, тоже дочь врача, мать ее погибла в гетто, а отец

был где-то в эвакуации. Вот таких было много у меня девушек. Еще было несколько...

– Скажите, были ли те старые школьные друзья, евреи, русские, белорусы, которые хотели Вам как-то оказать помощь?

– Нет, не было никого. Хотя знал, что в Минске двое находятся, в Минске двое находятся... Но никакой попытки меня найти или чего-нибудь, со стороны не было. Хотя у многих такие вещи случались, что друзья находили в гетто и как-то оказывали помощь. У меня этого не было.

– Вы работали рядом с Гамбургскими евреями?

– Да

– Как складывались Ваши взаимоотношения?

– Нормальные. Только различные взгляды были. Мы считали, что гетто будет полностью уничтожено, никто не в живых не останется. Они в это не верили. Не знаю, как потом изменились ихние взгляды, я не знаю, что уже было в конце, я же почти в гетто был год и 11 месяцев, я токо 5 последних месяцев не был в гетто. А так, я почти все гетто пробыл.

– Вы знали что-нибудь о сопротивлении Минского гетто? О подпольном?

– Да, знал. Я вот знал и о том, что в гетто подпольная организация. Вот этот Саша, я с ним поддерживал связь. Он меня именно и предал этой подпольщице – Липской. Она тоже там была старшей группы. И еще несколько знал человек.

– Вы раньше не пытались с ними никак связаться?

– Пытался. Пытался, искал, пытался. Я все время. Начиная уже после первых погромов знал, что один только выход. Мысли не только у меня, с кем не поговоришь, став узником, все пытались, но сложность же во многом еще была, что трудно, не принимали же в партизанские отряды эти. Вот почему я еще ставлю заслугу Зорину, что он создал... Многие же уходили, и случаи есть, что убивали партизаны

– Вы знаете лично такие случаи?

– Да. Я счас не могу точно... но знаю, что в отряде Данилова, который был, там мне рассказывал лично его адъютант. Он мне

рассказывал, говорит: «Что, да. Мы пришли в **Скирментова**, девочки две были расстреляны партизанами. Изнасилованы и расстреляны. Так что, если бы было такое, что во все партизанские отряды принимались бы евреи, конечно значительно больше бы ушло узников гетто, значительно больше. Так в любой другой... Без связных уйти нельзя. Все только именно благодаря тому, что массовый такой был в 43-ем году, я считаю, удалось уйти такому количеству евреев.

– А в гетто знали о том, что не все отряды принимали?

– Знали. Знали, уходили и возвращались назад в гетто. Таких же много очень случаев было. Уходили. Бродили по месяцу, по два в лесах. Были такие случаи, что в начале туда принимали, потом все отнимали, отпускали назад их. Они возвращались назад.

– И Вы тоже знаете лично такие случаи?

– Щас я не знаю, есть ли они, но знаю, что в архивах, наши здесь, товарищ сидит работает, он эти вещи прочел. Конкретно названы, в каком отряде какая группа была оставлена. Поэтому щас я это заявляю со слов того, кто это подлинные документы читал, у нас такие есть.

– Скажите, что стало с Вашими Родителями?

– Когда я уходил, все они еще оставались в гетто. Но из гетто прибывали постепенно знакомые, мне рассказывали. 17-ого сентября, в день убийства Кубы, **был народ на гэто**. У меня сестра оставалась, работала на вокзале тогда. Ну, и в тот день, убивали не только в гетто, а прям и в тех местах, где работали. И когда туда прибыла команда, она попыталась убежать. И в сквере, вот этот сквер, который идет на вокзале, ее пуля достигла, она была убита здесь. Рассказывали, что в этот вечер видели отца и мать, которые тогда толком не знали: я ли ушел, дошел ли благополучно, а тут знали, что убили сестру, они были совершенно подавлены. И когда в следующие... это не погром было, по-моему, 20-ого сентября, там где-то был налет, они в какой-то малине сидели, и там их убили всех в малине. Это мне рассказала подруга моей сестры – Лиля, которая пришла к нам в отряд в конце сентября. Она была почти до последнего в гетто, до последнего. Она

рассказала о гибели родителей и сестры. И погиб двоюродный брат. Кроме этого, у меня погибли еще тетя и двоюродный брат, они погибли в погроме. Погибла сестра отца и шурином отца, сестра матери с сыном. Всего у меня 12 человек погибло из родственников, из близких – тети, двоюродные братья, 12 человек. Из них все я только один выжил, кто был в гетто.

– Скажите, в партизанском отряде у Зорина, какое у Вас было Ваше личное оружие?

– У меня была винтовка.

– Часто Вам приходилось ее использовать?

– Да. Ну как сказать, относительно часто. Я участвовал в нескольких засадах, я использовал... Дальше, во время блокады, когда мы были на островах, мы несколько раз пытались задержатьдвигающиеся группы, там пришлось использовать. В последнем бою я ее использовал настолько, что мне пришлось гильзы выбивать шомполом, настолько разогрелась, но это все было в лесу. Так что вот такие вот вещи. В хозяйственной операции у нас так были две, мы проводили, когда мы шли небольшой группой, а там так назывались – Маентак, немцы засели в маентке, мы всю ночь предрешали, в засаде не двигались, а к утру у нас был короткий бой с ними. Вот такие. А так, в диверсионных группах... я не являлся членом диверсионной группы, я не участвовал

– Скажите, Вы помните тот момент, когда Вы лично первого немца застрелили?

– Нет, я не могу так сказать и не могу утверждать когда-то... в первом бою, я не могу утверждать. Да, оставалось на поле боя, но утверждать, что это был именно тот, в которого я стрелял, это я не буду.

– Вы попадаете в действующую армию. Что дальше? Мы возвращаемся

– Значит, мы возвращаемся. После партизанского парада, мы, 26 человек, ушли сразу в действующую армию, пришли в Уручье, в этот же вечер. И через день мы направились в 19-ую танковую бригаду, на пополнение. Мы, и еще там часть с других партизанских отрядов. Эта часть вышла на пополнение, и мы

влились в эту часть. И через несколько дней мы сразу вступили в бой. Мы форсировали Неман в этой части и освобождали Литву в составе этой части. Под **Шауляем** я был ранен, попал в госпиталь, сначала в **Каунас**, затем сюда, в Минск, было заполнено везде, и меня из Минска в Смоленск – тоже мест не было. Попал в Москву. Там я лежал в госпитале под Москвой в **Кучина**. А после окончания лечения в Кучина. Я снова попал в Москву. В Чернышевские казармы, там был запасной полк. Оттуда меня перевели в Калугу (в течении одного месяца это было), и там я попал на пополнение на Балтийский флот. Попал в состав первой дивизии морской пехоты, которая формировалась возле Кронштадта, в Лебяжем, и оттуда мы на кораблях пришли в Хельсинки. В Хельсинки наша дивизия затем перешла... оставили порт **Прикалоут**, военно-морской порт, и вот на этом военно-морском порту мы несли службу по охране побережья, входа в Хельсинский залив. Ну, и помогали группе, там сидел Жданов сначала, а потом Ворошилов... Ворошилов, потом Жданов. Мы, собственно, являлись его там охраной и резервом. Он то находился в Хельсинки, группы, а мы западнее стояли военно-морской базы. Дивизия морской пехоты, у нас десантные катера были, и ходили там до окончания войны.

– Как сложилась Ваша дальнейшая судьба?

– После войны... Вернулся я, конечно, куда меня тянуло, в Минск, на Родину, где родился. В 47-ом году меня отпустили в отпуск. Я побывал в Минске, я посмотрел на разрушенный город, все это видел. В городе был демобилизован и жил мой дядя, отца брат, который рассказывал, что в Орше был директором льнокомбината, затем в армии он был. Я сюда приехал, в Минск 13-ого марта. А 20-ого марта я пришел на минскую картографическую фабрику, которая тогда восстанавливалась, а она была до войны на Площади Свободы в доме профсоюзов, и поступил сюда учеником. Затем стал... первый машинный когда смонтировали, работал печатником. На следующий год, одновременно, я пошел в техникум. В техникуме думал снова пойти на первый курс, чтобы вспомнить все, все же столько лет

прошло, но встретили там преподавателя – математичку Погорельскую Зинаиду Яковлевну. Она меня увидела и когда узнала, с чем я пришел, зашла сразу к завучу и говорит, что ему на первом курсе делать нечего, он успешно его закончил, надо его зачислять на второй курс – так я стал студентом второго курса. Это было вечернее отделение. Днем я работал, вечером я уходил заниматься, 4 дня в неделю. Жил я к этому времени... ну на фабрике знали, что у меня никого нет, что я совершенно один, мне выделили комнатку. Это был последний дом в Минске по Лагойскому тракту, 144, дальше никаких домов не было в 48-ом году (я демобилизовался в 48-ом году, я еще после войны три года служил). В начале, там нечего было ставить мне, абсолютно ничего, пришли мы с Патентом, поклеили там, ничего у меня не было. Ко мне приходит главный инженер: «Чего ж ты не въезжаешь?». Говорю: «Я уже въехал». А у меня была одна подушка, кровати не было. Он походил по фабрике, мебели тогда тоже не было ничего, но нашли где-то столик, сказали плотнику, мне сколотили три табуретки, сделали **кослы для монтерации**, это я туда завез, а потом, с первого же аванса, купил себе матрас поставил. Накрывался я все шинелью, у меня хорошая шинель была цвета хаки, подушка была. Ну так постепенно... потом купил первую простыню, потом чашку купил. К этому времени я уже подружился со своей будущей женой, это шел 49-ый год. Она закончила Московский полиграфический институт, ее прислали на работу сюда, в Минск. Мы с ней дружили. Уже кое-чего она помогала делать. А в 50-ом году мы поженились. Тогда как-то успевал я и ходить с ней и в театры, и на Райкина мы успевали, он в это время был, в 50-ом году здесь, и учится в техникуме – все я успевал.

– Вы сказали, что с собой принесли фотографии

– А затем, в 52-ом году у меня родилась дочь старшая, которая сейчас вместе с семьей живет в Израиле.

– И вы дальше работали

– Работал я после печатника, с 52-ого года, начал работать мастером цеха, а в 54-ом году меня поставили заместителем

начальника цеха. А в 54-ом году я был назначен начальником печатного цеха, в котором проработал 20 лет.

Вот это я показывал... хотел до войны. Вот это мой отец, вот это мой родной дядя, его брат, вот это отец Патентов. Этот снимок сделан в гражданскую войну.

Вот это моя сестра, которая погибла здесь, в день убийства Кубе. Старше меня была на 2 года. Погибла в минском гетто.

Вот это первая фотография, когда я женился в 50-ом году.

А это уже мы с дочерью старшей.

После войны мы встретились с друзьями, с которыми вместе уходили на фронт, и здесь один из ближайших товарищей Ботвинник Абрша